

УДК 1(091)

**«ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ФИЛОСОФИИ»
КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ
В ФРГ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

А.В. Горобий

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается развитие истории понятий как особого направления в современной немецкой философии, корни которого, однако, уходят еще в эпоху Просвещения. Во второй половине XX в. воплощением поворота немецких философов к изучению понятий стал «Исторический словарь философии», в котором нашли отражение взгляды не только редактора Йоахима Риттера и его коллег, но и других влиятельных мыслителей – Эрика Ротхакера, Ханса-Георга Гадамера и Ханса Блюменберга.

Ключевые слова: история понятий, немецкая философия, философия языка, герменевтика, метафорология, словари.

История понятий несмотря на определенное программное единство, является чрезвычайно многообразным направлением немецкой мысли, постепенно распространяющимся на все новые академические дисциплины. Колыбелью данного направления была философия: еще на рубеже XVIII–XIX вв. Вильгельм Трауготт Круг, Христиан Август Брандис, Иоганн Якоб Брукер, Иоганн Готтфрид Гурлитт и другие мыслители говорили о необходимости изучать историю философских понятий. Однако лишь в первой половине XX в. увядание идеалистически-картезианской традиции открыло путь для полноценного рассмотрения истории философии через призму истории понятий. После Второй мировой войны дополнительный импульс истории понятий был придан необходимостью переосмысления прошлого Германии и поиска в нем неких идеологически нейтральных опор. Пристальное внимание к языку соответствовало духу времени и привело к конституированию истории понятий в качестве самостоятельного интеллектуального направления. «Исторический словарь философии» [1] стоял в центре этих тенденций и сейчас широко используется в Германии как концептуальная основа для дальнейших исследований по истории понятий. В нашей стране данный словарь известен несколько больше, чем другие труды по истории понятий, – благодаря рецензиям А.В. Гулыги и И.С. Андреевой [2; 3]. Разумеется, указанные обзорные рецензии являются лишь первыми шагами к изучению идейного богатства словаря. В связи с этим цель данной статьи – проанализировать «Исторический словарь философии» в качестве олицетворения поворота немецкой философии к изучению истории понятий. Названная цель достигается посредством решения двух задач:

– изучение идейных основ (истоков) «Исторического словаря философии»;

– анализ реализации этих основ в словаре, рассмотрение его ключевых положений.

Начиная с 1920-х гг. в немецком философском сообществе нарастала критика «Словаря философских понятий» Рудольфа Айслера (первое издание в 1899 г.) [4] и высказывались идеи «исторической и системной переработки на высоком научном уровне пока недостаточно исследованных материалов... поскольку словарь Айслера в его нынешней редакции не выдерживает конкуренцию с зарубежными энциклопедиями» [6, s. 704]. Одним из главных оппонентов выступил философ и социолог Эрих Ротхакер (1888–1965), который, требуя повышения научного уровня словаря, не отступал, однако, от традиционных целей философских словарей, а именно от защиты философии от релятивизма и сиюминутных тенденций. Он критиковал словарь Айслера за то, что «небрежная масса цитат» заслоняет «идею истории понятий как истории исторического сознания»; призывал к «удовлетворительному описанию культурно-философских базовых понятий» и к использованию для истории понятий методологии и результатов исследований по общей истории, теологии, истории литературы и искусств, т. е. проектировал синтез понятийной и проблемной истории. Ротхакер указывал, что многослойность историко-филологически тщательно разработанной истории всей философско-мировоззренческой и культурной терминологии должна послужить основой для прояснения заключенных в понятиях проблем, которые имеют свою собственную историю, скрытую под слоем истории терминологии. Он допускал только критический подход к истории понятий, так как свою историю имеют не собственно понятия, а термины и проблемы. Прояснение их истории способно открыть всю европейскую философскую и духовную историю с ее хронологическими и идейными коннотациями, выявить «проблемы, апории, типологию и диалектику философской мысли в целом». Кроме того, история понятия может внести вклад в языкознание, которое во многом остается привязанным к структуре языка [5]. После Второй мировой войны идеи переработки словарей продолжали жить во многом благодаря Ротхакеру, начавшему издавать журнал «Архив истории понятий».

Взгляды Ротхакера на историю понятий связаны с влиянием философии жизни Дильтея. В частности, Ротхакер считал познание выражением «творческой жизненной силы», т. е. экзистенциальный интерес обеспечивает связь между субъектом и предметом познания. Связующим звеном между ними является язык. В зависимости от особенностей «глубинных слоев личности» каждого человека в языке конструируются разные мировоззрения, стили жизни и культурные миры, наполненные символическими формами. Выраженное в языке мировоззрение позволяет осмысливать проблемную историю человеческих общностей, что, в свою очередь, порождает критику содержательных сторон мировоззрения.

Впервые программу нового словаря философ *Йоахим Риттер* (1903–1974) изложил в своей статье 1964 г.: «Айслер исходил (пусть и не всегда последовательно) из убеждения в том, что в основу словаря может быть положен некий комплекс понятий, представляющий современную философию при четком отграничении от ее предшественников. Сейчас развитие философии сделало это убеждение устаревшим. Принципиально изменилось отношение философии к своему прошлому. Греческая философия, патристика, схоластика, спекулятивные теории Нового времени, в особенности немецкий идеализм, стали частью современного философского образования, раздел между системной философией и историей философии стал проницаемым... Новый словарь должен быть открыт этим тенденциям развития философии в немецкоязычном пространстве, однако он не должен на программном уровне отдавать предпочтение какому-то одному виду философии, поскольку еще совершенно неясно, к какому результату приведет противопоставление “картезианской” и “исторической” модели философии» [6, s. 704–708].

В качестве единственной программной цели нового словаря Риттер провозгласил историю понятий: «История понятий, коренящаяся в постановке философских вопросов и отнюдь не чуждая философским исследованиям, еще только зарождается» [6, s. 705]. По мнению Риттера, история понятий должна прояснить спорный вопрос о соотношении понятий, слов, значений слов и предметов. Путеводной нитью для статей словаря должна быть история понятийных значений слов: свидетельства их употребления философами и их действительности позволяют перейти к изучению предметов, обозначаемых понятиями. В словаре философия должна быть показана «в горизонте своей истории и своего происхождения» [там же].

При этом Риттер опирался в основном на двух авторов – Ханса Блюменберга и Ханса-Георга Гадамера. В частности, Риттер цитировал мысль Блюменберга о том, что идеально разработанная картезианская система философии будет означать конец интереса к истории понятий, но и конец самой философии, поскольку всё её существование сведется к несению груза традиций – настолько пестрого, что он будет не поддаваться осмыслению [7, s. 7–8].

Еще в 1924 г. будущий основатель философской герменевтики *Ханс-Георг Гадамер* (1900–2002) отверг представление о вечной вневременной природе проблем, характерное для Николая Хартманна, и противопоставил ему положение об изменчивости и зависимости проблем от позиции субъекта по отношению к бытию (*Dasein*). Чистая проблемная история превращается в герменевтическую проблемную историю и порождает герменевтическую историю понятий, связанную с действительностью исторического бытия. Философская система, понимаемая как система проблем, пребывает в контексте человеческого существования и его истории: «Не там имеют место одинаковые пробле-

мы, где, как кажется, историческое самосознание вызывает употребление одинаковых слов и понятий, а там, где – даже при совершенно разном понятийном языке – обнаруживается тождественная духовная традиция и представление о бытии» [8, s. 56, 62, 69].

В 1950-х гг. Гадамер руководил Комиссией сената Немецкого научно-исследовательского общества (DFG) по исследованиям истории понятий и инициировал междисциплинарно-ориентированную историю понятий, нацеленную на прояснение «базовых понятий философии и других наук в процессе обмена между представителями отдельных наук и философии».

В 1960 г. был опубликован основной труд Гадамера «Истина и метод», во вступлении к которому философ уделяет значительное внимание истории понятий. Он заявляет, что природа истины, бытующей в философии, искусстве и истории, «превосходит» возможности контроля со стороны методов, считающихся научными. Следовательно, легитимность этой истины гуманитарных наук не может обосновываться методами, свойственными естественным наукам и ошибочно возведенными в ранг универсальных средств верификации. Гадамер перерабатывает теологическое учение о герменевтике, однако провозглашает её не ещё «одним из методов», а средством достижения согласия между различными гуманитарными дисциплинами о том, что их объединяет и что есть истина. Под герменевтикой он понимает не искусство толкования текстов, а постоянную рефлексию над процессом понимания. Поскольку предметом понимания, как правило, являются элементы предания, Гадамер считает рефлексию над понятиями в их исторической обусловленности предпочтительным путем самопознания философии.

В результате Гадамер приходит к утверждению истории понятий в качестве фундамента поиска истины в гуманитарных науках: «Размышление о том, чем является истина в науках о духе, не должно стремиться к мыслительному выделению самого себя из исторического предания, связанность которым сделалась для него очевидной. Такое размышление должно, следовательно, поставить себе самому требование, добиться от себя наивозможной исторической ясности своих собственных посылок. Стремясь понять универсум понимания лучше, чем это кажется достижимым, если исходить из понятия познания, выработанного современной наукой, оно должно искать также и иного отношения к тем понятиям, которыми оно само пользуется... Таково новое критическое сознание, неизбежно сопровождающее отныне всякое ответственное философствование и выводящее те языковые и мыслительные привычки, какие складываются у отдельного человека в процессе коммуникации с окружающим его миром, на суд исторической традиции, которой мы все принадлежим» [9, с. 37–38]. Вероятно, это самое серьезное обоснование необходимости и значимости истории понятий для философии. Гадамер видит в истории понятий не только философскую

основу гуманитарных наук, но и полагает, что история понятий вберет в себя прежние принципы и функции герменевтики.

В 1971 г. вышел первый том *«Исторического словаря философии»* под редакцией Йохима Риттера, Карлфрида Грюндера и Готтфрида Габриэля. Составители словаря отказались от единой теории и методологии по прагматическим соображениям – с тем, чтобы словарь был не столько новаторским, сколько практичным вспомогательным средством для исследователей. В предисловии к первому тому Йохим Риттер очень осторожно пишет о методологических и герменевтических основаниях словаря – о «самореализующемся развитии духа» и о том, что «философия через изменение своих исторических позиций, через противопоставление школ и направлений постоянно разворачивает себя как вечная философия (*philosophia perennis*) и воплощает имманентный для нее принцип разумного постижения» [10, s. VII].

В вопросе о предмете словаря Риттер акцентирует необходимость лексикографически сдержанного определения понятий в особенно объемных статьях, предметом которых являются «ведущие понятия» (*Leitbegriffe*) философии и в которых проблемы семантических изменений понятий предстают в особенно комплексном виде. Риттер предпочитает использовать многозначную категорию «понятийное слово» (*Begriffswort*) [10, s. X]. В первом томе словаря есть статья «Понятие», а в ней раздел «Понятие и слово». Автор подраздела Юрген Миттельштрасс рассматривает соотношение понятия и слова не исторически, а логико-прагматически в русле «методического конструктивизма» Пауля Лоренцена: понятия образуются «из нескольких слов, а именно предикатов, посредством логической операции абстрагирования» [11, s. 786].

Риттер предпочел не заимствовать у Гадамера полностью его амбициозную программу истории понятий, а ограничиться более скромной цитатой, относящейся к рассуждениям Гадамера о складывании понятия «образование» (*Bildung*) во времена Гёте: «Понятие образования помогает наиболее отчетливо ощутить, как глубока духовная эволюция, позволяющая нам все еще чувствовать себя как бы современниками Гёте и, напротив, заставляющая уже век барокко считать доисторическим временем. Наиболее значимые понятия и обороты речи, которыми мы привыкли оперировать, приняли свой облик именно в этом процессе, и тот, кто не желает заниматься языком, отдаваясь на волю его стихии, а стремится обрести самостоятельное и обоснованное понимание истории, обнаруживает, что вынужден переходить от одной проблемы из области истории слов и понятий к другой» [9, с. 45].

Далее Риттер отвергает «антикварное» отношение к понятиям и обращает внимание на «историческую многослойность предмета философии». Он приветствует «критическую рефлексия, которая противостоит абстрактному толкованию понятий и доводит до сознания читателя исторический характер и образование (*Prägung und Bildung*) поня-

тий» [10, s. VII–VIII]. В этом слышится неокантианский императив (озвученный Вильгельмом Виндельбандом) к достижению примиряющего баланса между истоками и современными нормами, между историзмом и презентизмом в истории философии. Составители словаря надеялись смягчить противоречия между картезианско-системной философией и историей философии: «История понятий подвержена опасности релятивирующего историзма – опасности затушевывания системной стороны понятий в пользу их привязки ко времени и опасности зависимости определений понятий от исторического горизонта. Она отвергает историческое суживание понятий. Изучение истории понятий делает их пригодными для философской рефлексии и создает достаточно прочную основу для их строгого использования. Тем самым могут быть преодолены траншеи, отделяющие историзм и нормативную семантику» [12, s. 799].

Также по прагматическим соображениям в словарь не были включены метафоры, присутствие которых означало бы представление истории понятий в совершенно новом свете и сделало бы основы проекта весьма шаткими. «Издатели с тяжелым сердцем были вынуждены отказаться от включения в номенклатуру словаря метафор и метафорических оборотов, хотя они хорошо осознают, что именно метафоры, как показал Х. Блюменберг, противостоящие понятийному анализу, имеют свою историю в более радикальном смысле, чем понятия, и ведут нас к познанию “субстрата мысли”, который является “питательной средой кристаллизации систем”. Причиной отказа было сознание того, что при нынешнем состоянии знаний описание метафор станет для словаря непосильной задачей» [10, s. IX].

В своей статье 1957 г. Ханс Блюменберг (1920–1996) утверждал, что значение обновленной истории понятий для философии состоит в сосредоточении исследовательского интереса именно на слое метафор: «Если симптомы нас не обманывают, то в философии намечается оживление исследований по истории понятий. Причины этого различны – это и осознание бесполезности массового изобретения новых понятий в течение последних десятилетий, и нарастающая сложность достижения взаимопонимания между философами, и развитие программы истории понятий в теологии. Если давно заброшенная история понятий вновь выступит на авансцену, то, прежде всего, необходимо будет пересмотреть структуру “философских понятий” по сравнению с прежними взглядами... Представление о том, что философский логос “преодолеет” дофилософский миф, сузило наше понимание философской терминологии. Наряду с понятиями в строгом смысле этого слова – имеющими свое определение и опирающимися на то или иное мировоззрение – существует широкий круг мифических трансформаций, метафизических условий, которые выражаются в многообразной метафорике. Эти элементы в их “агрегатном состоянии” более пластичны, восприимчивы к

невыразимому, менее подвержены давлению традиций. Здесь часто находит выражение то, что в устоявшихся системах остается незамеченным» [13, s. 432].

Далее Блюменберг вводит понятие «абсолютные метафоры», которые являются «основным резервом философского языка, который не поддается переводу в Фактическое, Логическое» [7, s. 9]. Поскольку абсолютные метафоры невозможно выразить посредством определенных понятий, постольку история понятий в трактовке Блюменберга означает смещение исследовательского интереса с понятий на метафоры – «на то, как метафоры заменяют, дополняют друг друга или как одна метафора выступает символом другой метафоры. Абсолютные метафоры имеют свою историю в более радикальном смысле, чем понятия, поскольку историческое изменение той или иной метафоры раскрывает метакинетику смысловых горизонтов и картин мира, в рамках которых понятия, в свою очередь, претерпевают изменения» [там же, s. 11].

При характеристике философских взглядов самого Риттера необходимо учитывать влияние его учителя *Эрнста Кассирера (1874–1945)*. Еще до Второй мировой войны Риттер проявлял интерес преимущественно к истории философии, к проблеме сочетания преемственности и разрывов в ней. После войны он создает философскую теорию эпохи модерна, в центр которой помещает понятие «раскол» (*Entzweiung*) – это раскол между индивидом и буржуазным обществом. Современный мир, включая буржуазное общество, «абстрактные» права, индустриальный способ производства, естественные науки и технику, возник как разрыв с прежними жизненными укладами и мировоззрениями. Человек впервые получает возможность освободиться от господства природных сил и традиционных социальных связей, однако это освобождение зачастую происходит путем чистого отрицания, деисторизации и «расколдовывания» (*Entzauberung*) человеческого существования. Раскол современного мира закрепляется расколом философии на две области – субъективную нормативную этику и теорию государства и права, в позитивистском ключе изучающую внешние институциональные формы жизни.

Риттер считал философию исходным и конечным пунктом всех наук, поэтому преодоление раскола философии должно, по его мысли, помочь преодолеть и раскол современного мира. Гуманитарные науки и искусство могут компенсировать оторванность индивида от коллектива. Гуманитарные науки – это средство «поддержания исторического и духовного мира открытым для современного общества» [14, s. 377]. Риттер стремился не консервировать то, что справедливо ушло в прошлое, а «осовременивать» то, что несправедливо забыто. В этом смысле интерес философии к своей истории – это интерес к забытым вариантам решений системных вопросов.

Риттер видел первую задачу практической философии не в изобретении моральных норм или политических институтов, а в «герменевтике исторического мира» – понимании конкретно-исторической действительности с точки зрения имманентного ей разума. Соответственно Риттер констатирует еще один «раскол» – на этот раз раскол между системной философией и историей философии. Он признавал, что философия есть системная, а не историческая дисциплина, поэтому она не может быть тождественна истории своих понятий. Однако философский дискурс заключается не столько в обосновании (и критике) апофантических суждений, сколько в обосновании (и критике) категориальных различий. Именно для различий история понятий предоставляет богатый герменевтический материал. Представление вещей в новом свете, т. е. проведение новых различий, является двигателем не только философии, но и других сфер знания, вплоть до естественных наук. Таким образом, история понятий предстает как средство преодоления раскола философа с перспективой разрешения проблем современного общества.

Вклад Риттера в философию наряду с историей понятий связывается с «реабилитацией практической философии» и «либерально-консервативным обоснованием федеральной республики». Так называемая «школа Риттера» охватывает широкий круг современных философов, среди которых Э.В. Бёкенфёрде, В. Гёрдт, К. Грюндер, Х. Люббе, О. Марквард, Г. Рормозер, В. Шмидт-Биггеман, Р. Шпэман и др.

Издатель «Исторического словаря философии» Карлфрид Грюндер отмечал в предисловии к 4-му тому: «История понятий не имеет такой основы, как классическая филология, и таких надежных и удобных методов. У нас нет фонда подготовительных исследований понятий или хотя бы самых важных из них, которые требовалось бы лишь свести воедино. Количество авторов, которые изучают понятия и могут внести вклад в редактирование каждого тома, растет, но все еще невелико» [1, Bd. 1, s. 5]. Грюндер также отмечает многообразие форм и уровней исследований – от монографий до коротких заметок, из-за чего в прагматическом смысле пока можно говорить не об истории понятий, а только об истории слов. В этой связи разумным представляется выбор издателями заголовка «Исторический словарь философии», а не «Исторический словарь философских понятий».

В статье «История понятий» в первом томе словаря ее автор Хельмут Майер указывал, что история понятий ныне достигла статуса самостоятельной дисциплины в рамках философии и представляет собой «методический инструмент теоретической философии». Самоосмысление истории понятий ещё не закончилось, её задачи и функции окончательно не сформулированы. История понятий дополняет теоретическую философию, но никак не заменяет ее. Она представляет собой не просто пропедевтику философии, не простое собрание исторического

материала в виде словарей, а интегральную часть самой философии в том смысле, что последняя может успешно постигать общественно-историческую и природную действительность только посредством исторически обоснованного употребления понятий, значения которых однозначно прояснены и систематизированы [12, s. 788–789].

Современные исследователи критикуют словарь в первую очередь за теоретико-методологическую неопределенность и непоследовательность. Первоначально предполагался всего лишь трёхтомный словарь. Для него была разработана обширная подробная номенклатура, и это означало, что статьи будут очень маленькими, вмещающими только определение термина и несколько важнейших цитат. Первые тома «Исторического словаря философии», насчитывающие по 500 статей (в 12-м томе их только 250) и делающие акцент на латинских и греческих терминах, демонстрируют, в сущности, повторение подхода Айслера: в словаре документировалась история употребления философских терминов, а не излагалась история понятий. Тот факт, что история многих терминов выводилась из античности и затем излагалась в строго хронологическом порядке, создавал иллюзию непрерывности истории понятий, затушевывал случаи разрывов, пробелов, замены одних понятий другими. Отсутствие единой программы привело к тому, что в «Историческом словаре философии» история понятий не имела строго определенных очертаний, а реализовывалась в зависимости от потребностей фактического материала и возможностей авторов статей. Часто это была смесь проблемной истории, истории теории и истории терминологии. Однако именно методологическая либеральность словаря сделала его чрезвычайно полезным и практичным, обеспечила ему благосклонность критики [15, s. 35–36].

В последующих томах, охватывающих вторую половину алфавита, история понятий стала реализовываться более последовательно и устойчиво: в них больше нет статей, ограничивающихся объяснением значений терминов; статьи стали более обширными и историчными. В частности, если в первых томах термины Мартина Хайдеггера снабжались лишь цитатами из его книги «Бытие и время», что соответствовало состоянию знаний о философии Хайдеггера в 1960-х гг., то в более поздних томах рассказывается о «генезисе» терминов в лекциях Хайдеггера, о влиянии неокантианства на его философию и о собственных взглядах Хайдеггера на историю философии, из чего только и может стать ясна вся глубина созданных им терминов. Со временем изменился подход к определению состава статей. Очень мелкое деление номенклатуры в первых томах было оправдано прагматически, так как словарем можно было пользоваться без индекса, однако это приводило к недостаточно четкому выявлению взаимосвязей и различий между терминами. В более поздних томах под одним словарным заголовком стали рассматриваться по несколько взаимосвязанных понятий, однако это привело к необходимости регистра для пользования словарем.

Таким образом, «Исторический словарь философии» можно рассматривать как важнейшее звено, связывающее первый этап развития истории понятий (до середины XX в.) и современные исследования в этой сфере. С одной стороны, мы видим, что данный словарь полностью выдержан в русле философского взгляда на понятия, он вобрал в себя методологический багаж своих предшественников (словаря Айслера) и касается только философских понятий (не переходя границы других дисциплин). С другой стороны, большинство критиков отмечают теоретико-методологическую неопределенность «Исторического словаря философии», однако эта неопределенность означает и открытость истории понятий для дальнейшего развития, в частности для расширения междисциплинарных взаимодействий. Историзация системной философии Риттером вкупе с герменевтической философией Гадамера подразумевают универсальность языкового (понятийного) подхода для изучения феноменов самых разных областей познания.

Список литературы

1. Historisches Wörterbuch der Philosophie / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel: in 13 Bd. Basel: Schwabe Verlag, 1971–2007.
2. Гулыга А.В. В поисках объективности (Historisches Wörterbuch der Philosophie / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. Bd. 1–6. Basel; Stuttgart. 1971–1984) // Новый мир. 1985. № 6. С. 262–265.
3. Андреева И.С. Исторический словарь философии. Т. 9 / под ред. Й. Риттера, К. Грюндера // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 155–158.
4. Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe und Ausdrücke. Berlin: Mittler, 1899. 956 s.
5. Rothacker E. Geleitwort // Archiv für Begriffsgeschichte. Nr. 1. Bonn, 1955. S. 5–9.
6. Ritter J. Zur Neufassung des «Eisler» – Leitgedanken und Grundsätze eines Historischen Wörterbuches der Philosophie // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1964. Nr. 18. S. 704–708.
7. Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie // Archiv für Begriffsgeschichte. Nr. 6. 1960. S. 7–142.
8. Gadamer H.G. Zur Systemidee in der Philosophie // Festschrift für Paul Natorp: zum siebzigsten Geburtstage von Schülern und Freunden gewidmet / hrsg. von E. Cassirer. Berlin [et al.]: de Gruyter, 1924. S. 55–75.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–36] Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
10. Ritter J. Vorwort // Historisches Wörterbuch der Philosophie. 1971. Bd. 1. S. V–XI.

11. Mittelstrass J. Begriff. II: Begriff und Wort // Historisches Wörterbuch der Philosophie. 1971. Bd. 1. S. 785–787.
12. Meier H. Begriffsgeschichte // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 1. 1971. S. 788–808.
13. Blumenberg H. Licht als Metapher der Wahrheit. Im Vorfeld der philosophischen Begriffsbildung // Studium Generale. 1957. Nr. 10. S. 432–446.
14. Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft (1963) // Ritter J. Metaphysik und Politik. S. 377–406.
15. Kranz M. «Wider den Methodenzwang»? Begriffsgeschichte im Historischen Wörterbuch der Philosophie – mit einem Seitenblick auf die Ästhetischen Grundbegriffe // Begriffsgeschichte im Umbruch? / hrsg. von E. Müller. Hamburg: Meiner, 2005. S. 33–42.

**«HISTORISCHES WÖRTERBUCH DER PHILOSOPHIE»
(HISTORICAL DICTIONARY OF PHILOSOPHY) AS A
REALIZATION OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPTUAL
HISTORY IN WEST-GERMANY IN THE 2ND HALF OF THE 20TH
CENTURY**

A.V. Gorobiy

Tver State University, Tver

This article deals with the conceptual history as a specific trend in the modern German philosophy, which has its roots, however, as far back as in the Enlightenment age. The 2nd half of the 20th century saw the German philosophy turn to studying concepts. As a result the «Historical Dictionary of Philosophy» was conceived reflecting not only views of his editor Joachim Ritter and his colleagues, but also views of other powerful German thinkers – Erich Rothacker, Hans-Georg Gadamer and Hans Blumenberg.

Keywords: conceptual history, German philosophy, philosophy of language, hermeneutics, metaphorology, dictionaries.

Об авторе

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры философии и теории культуры исторического факультета ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: alexogor@mail.ru

Author information

GOROBIY Alexey Viktorovich – PhD in History, PhD student at the Chair for Philosophy and Theory of Culture at the History Department of the Tver State University. E-mail: alexogor@mail.ru